

К.С. Худин
к.и.н., доц. РГГУ, н.с. ИВИ РАН, сотрудник РГАДА

Изображение «зверя» на новгородской берестяной грамоте XIII в. (№ 199): попытка интерпретации

Берестяная грамота № 199 — первая в корпусе (№ 199–208, 210, 331) эпиграфических текстов и рисунков, созданных мальчиком Онфимом одновременно между 1224 и 1268 гг. (*Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 56), и обнаруженных 13–14 июля 1956 г. (№ 331 найдена позднее) на Неревском раскопе в Великом Новгороде. Эта грамота, начертанная с обеих сторон овального донца туеска, помимо прочего, примечательна изображением животного (реального или мифологического), подписанного: «А звѣре» (то есть «Я — зверь») (большинство исследователей склоняется именно к такому прочтению, однако некоторые авторы предлагают читать это как «Ял (то есть «поймал, ранил или убил») зверя» (*Стаменова А., Данилевский И.* Нарисовал на бересте и подписал в уголке... // *Казус.* 2018. С. 252), а также нарисованной на туеске «граммотой» со словами «Поклоно от Онфима ко Даниле», обведенными в прямоугольник. Однако, никто, насколько нам известно, пока не пытался определить прообраз изображения этого «зверя».

Стоит отметить, что слово «звѣрь» в Древней Руси обозначало, в первую очередь, дикого зверя (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 365–366), а «обозначение “лютый зверь”, как правило, подразумевало льва, но далеко не всегда» (Обширную историографию использования этого термина см. *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства. С. 67, 188). Оставляя в стороне языковой аспект этой грамоты, сосредоточимся на самом изображении «зверя» и особенностях его иконографии.

Вот как описывает его Арциховский, руководивший раскопками в Новгороде в год обнаружения находки и впервые опубликовавший источник: «Морда у него квадратная, уши кошачьи, язык высунут и заканчивается оперением, вроде оперения стрелы (а этот мальчик видел много стрел). Шея изображена одним штрихом, так же как туловище и четыре ноги, при этом шея длинее, чем туловище. Хвост загнут спиралью» (*Арциховский А.В.* Берестяные грамоты мальчика Онфима // Советская археология. 1957. № 3. С. 218). Янин видит в изображении «страшного зверя с торчащими ушами, с высунутым языком, похожим на еловую ветку или на оперение стрелы, с закрученным в спираль хвостом» (*Янин В.Л.* Указ. соч. С. 56). Наконец, Стаменова и Данилевский полагают: «то, что А.В. Арциховский и В.Л. Янин только сравнивали со стрелой, как раз и могло быть изображением стрелы, которая вонзилась в голову животного и от которой осталось торчать одно лишь оперение», ничего, однако не добавляя к описанию животного целиком. Кроме того, авторы статье полемизируют с Арциховским и Янином относительно «языка-стрелы»: «Видел он (Онфим. — К. Х.), несомненно, и пронзенных стрелами животных и людей и хорошо знал, как они выглядят. И, в то же время, вряд ли Онфим когда-либо встречал животное, у которого язык был бы похож на стрелу или на еловую ветку...» (*Стаменова А., Данилевский И.* Указ. соч. С. 254). Справедливости ради, Янин прямо не утверждает, что Онфим изобразил животное, которое ему встретилось. (*Янин В.Л.* Указ. соч. С. 55-59)

Таким образом, как минимум и Арциховский, и Данилевский-Стаменова буквально исходят из того, что Онфим зарисовывал реальное (живое или мертвое) животное. Обратим также внимание, что все описания включают в себя следующие элементы: торчащие уши, высунутый язык (который, впрочем, Стаменова и Данилевский считают стрелой) и спиралевидный хвост — учитывая их, сравним рисунок Онфима с другими аналогичными.

В статье В.В. Зайцева и Б.Ю. Берковского приведены изображения двух свинцовых печатей: новгородской свинцовой печати великого князя Василия II (1456 г.) и печати Совета господ Великого Новгорода (XV в.), на оборотных сторонах первой находится изображение «четвероногого зверя, вправо, с загнутым над спиной хвостом с тремя завитками на конце», а на второй — «четвероногий зверь в геральдической позе, обращенный вправо или влево» (*Зайцев В.В., Берковский Б.Ю.* «Новгородский» тип печати великого князя Василия II Темного // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. М., 2018. С. 188–189). Исследователи определяют этих животных как льва (или «владимирского бар-

са)), и они весьма похожи на то, которое Онфим изобразил двумя столетиями ранее — заметим, что уже Арциховский отмечал «кошачьи» уши на этом рисунке. Кроме того, обратим внимание на деталь, которую опустили в своем описании Зайцев и Берковский, а именно на изображении с печати Василия II, расходящиеся из пасти зверя три луча, аналогичные «оперению стрелы» на рисунке Онфима.

Действительно, вряд ли Онфим «когда-либо встречал животное, у которого язык был бы похож на стрелу или на еловую ветку», но вот Стаменова и Данилевский не могли не встречать рукописей, выполненных в так называемом тератологическом («чудовищном») стиле. Иными словами, нам представляется, что вопреки мнению Стаменовой и Данилевского (а также, косвенно, Арциховского, который говорит о стреле, а не о звере), основой рисунка новгородского мальчика был не живой (или мертвый) зверь, а другое изображение, которое Онфим скопировал *de visu* или по памяти. Янин полагал, что Онфим «выписывая слова поклона <...>, скопировал начало чьего-то письма, случайно попавшего в его руки» (Янин В.Л. Указ. соч. С. 59), так почему же он не мог скопировать и изображение «зверя». Зверь такого вида — с высунутым языком (переданным весьма схематично) и закрученным спиралью хвостом — больше всего похож на эмблему, а не на реальное животное.

И самым логичным представляется искать этот прототип именно в рукописях, по которым, несомненно, мальчик изучал азбуку — мы обнаруживаем не только на этой, но и на его грамотах прописывание отдельных букв, слогов и небольших предложений — в том числе цитаты из церковных книг (№ 206). Такие изображения во множестве встречаются в буквицах (инициалах). В качестве примера приведем Евангелие апракос (полное) (XIII в.), которое, как считается, имеет псковское происхождение (благодарю Л.В. Мошкову за помощь в обнаружении этой рукописи), где мы находим многочисленных зверей с языками, похожими «на стрелу или на еловую ветку» (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 3, 4 об., 5, 10 об., 13, 22, 55 об., 65-66, 71 об., 73 об., 78 об., 85, 86, 87-88 об., 89 об.-91, 92, 92 об., 93 об., 94, 100 об., 103 об., 105, 143, 148, 153(!), 156, 158, 161, 162 об.). Но таковым могло стать и, к примеру, так называемое «Юрьевское» Евангелие (XII в.) (происходящее из новгородского Юрьева монастыря) (благодарю Е.Ю. Щеголькову за то, что обратила мое внимание на эту рукопись) или другие книги новгородского или псковского происхождения, которые бытовали в Великом Новгороде во второй четверти XIII в., когда маленький Онфим осваивал там грамоту и делал свои первые наброски.